

© 2001 г., ЭО, № 4

Д.Д. Тумаркин

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ В «СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ» (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА В 1966–1980 гг.)

В середине 1960-х годов журнал «Советская этнография» переживал не лучшие времена. Главный редактор, он же директор Института этнографии АН СССР (далее – ИЭ) С.П. Толстов долго болел и почти не занимался журналом. Руководство центральным органом советских этнографов фактически легло на плечи заместителя главного редактора Л.Ф. Моногаровой, которая, при всей ее преданности делу и большой работоспособности, с трудом справлялась с этой тяжелой ношей¹.

В конце 1965 г. С.П. Толстов подал заявление об освобождении от должности директора ИЭ по состоянию здоровья. Его преемником стал Ю.В. Бромлей. С приходом нового директора в институте начались значительные перемены: выдвигались новые приоритеты в исследованиях, развернулось обсуждение назревших проблем да и сама атмосфера стала более благоприятной для научного поиска. Новые веяния не обошли стороной и журнал «Советская этнография».

9 сентября 1966 г. Президиум АН СССР назначил главным редактором журнала Ю.П. Петрову-Аверкиеву, а ее заместителями – Л.Ф. Моногарову (и ранее занимавшую, как уже упоминалось, этот пост) и автора настоящей статьи. При распределении обязанностей Лидии Федоровне было поручено руководить подготовкой статей и других материалов по народам СССР, а мне – по народам зарубежных стран и общей этнографии. Вскоре была значительно обновлена и расширена редколлегия журнала. В нее помимо главного редактора и его заместителей вошли В.П. Алексеев, Ю.В. Арутюнян, Н.А. Баскаков, С.И. Брук, Д.А. Ольдерогге, А.И. Першиц, Л.П. Поталов, В.К. Соколова, С.А. Токарев, В.Н. Чернецов².

Первый номер, подготовленный новой редакцией (1967. №1), вышел с необычной обложкой. На ее первой странице была помещена фотография охотника-удэгейца в традиционной одежде, который глядел загадочно и сурово, словно интересовался, куда пойдет теперь журнал. Отныне на обложке каждого номера публиковались фотографии, отражающие специфику журнала. Кроме того, обложке каждого из шести выходящих за год номеров был присвоен свой цвет³. Вскоре в журнале появились рисованные заголовки основных разделов. Но перемены коснулись не только формы, но и содержания: изменились структура журнала, его направленность.

Дискуссионные статьи под соответствующей рубрикой появлялись в журнале и раньше, но теперь раздел «Дискуссии и обсуждения» сделался одним из основных, а главное – в нем стали подниматься наиболее актуальные и теоретически значимые проблемы этнографии и смежных наук.

Со сменой директора в ИЭ на первый план вышли исследования по общей теории этноса, типам этнических общностей и этническим процессам. В разработке этих вопросов на страницах журнала, главным образом в дискуссионном разделе, приняли участие Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, П.И. Пучков, Л.П. Лашук, Л.В. Хомич, Н.Н. Чебоксаров и ряд других этнографов⁴.

Дискуссия по теории этноса едва не приняла драматический оборот. Возмутителем спокойствия выступил тогдашний заведующий сектором народов Ближнего и Среднего Востока ИЭ М.С. Иванов, хорошо ориентировавшийся в «коридорах власти». В связи с публикацией в журнале дискуссионной статьи Ю.В. Бромлея «Этнос и эндогамия» он обвинил автора в биологизации этноса и «неисторическом подходе» к этому феномену. Преследуя далеко идущие цели, М.С. Иванов сообщил об «идеологических ошибках» директора ИЭ в партийные органы. По существу это была попытка не только опорочить Ю.В. Бромлея, но и прервать наметившийся в институте переход от преобладания окаменевших схем к более свободной разработке теоретических проблем. Чтобы противостоять этим проискам, было решено организовать обсуждение статьи Ю.В. Бромлея на совместном заседании двух институтских теоретических семинаров, а затем опубликовать стенограмму обсуждения, авторизованную всеми выступавшими, в дискуссионном разделе журнала «Советская этнография». Этот замысел был осуществлен. На заседании выступил 21 человек – многие ведущие сотрудники ИЭ, ученые из МГУ и Института востоковедения АН СССР. Почти все ораторы одобрили основные положения статьи Ю.В. Бромлея, хотя прозвучало и немало замечаний по отдельным конкретным вопросам. Преобладающее мнение выразил один из наиболее уважаемых сотрудников ИЭ, выдающийся этнограф и религиовед С.А. Токарев: «В статье Ю.В. Бромлея мы находим существенно новый подход к теме, которая в последнее время вызвала оживленный обмен мнениями. Она открывает новый этап в изучении этнической истории – сказано принципиально новое слово»⁵. Потерпев поражение, М.С. Иванов перешел на работу в Дипломатическую академию. Такой исход этого дела закрепил позитивные тенденции в развитии института и журнала, стимулировал обсуждение других дискуссионных проблем.

Вторая важная дискуссия, развернувшаяся в те годы в журнале, касалась теоретических проблем первобытности. Скажу несколько слов о том, что предшествовало этой дискуссии.

В период, когда институтом и журналом руководил С.П. Толстов, огромное идеологическое значение придавалось таким вопросам, как историческая последовательность и универсальность материнского и отцовского родов, соотношение рода и общины, эволюция форм семьи и брака в первобытном обществе. Единственно правильной считалась энгельсовская трактовка этих проблем, опиравшаяся в основном на концепцию Л.Г. Моргана. Даже частичное несогласие с указанной трактовкой, равно как и развернутая критика концепции Моргана, приравнивались к ревизионизму, отходу от марксизма. Главным «еретиком» оказался ленинградский этнограф Н.А. Бутинов. В 1963 г. четыре ведущих специалиста ИЭ по этой проблематике (А.И. Першиц, Ю.П. Петрова-Аверкиева, Л.А. Файнберг и Н.Н. Чебоксаров), действуя по настоянию С.П. Толстова, опубликовали в журнале «Советская этнография» статью, в которой подвергли разгромной критике взгляды Бутинова⁶. Сам Толстов приехал в Ленинград и в беседе за чашкой чая, на которую автор этих строк (тогда сотрудник Ленинградской части ИЭ) был приглашен как «сочувствующий» Бутинову, эмоционально уговаривал последнего «отпасть от ереси». Николай Александрович не внял этим увещаниям. Тогда ему запретили участвовать в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1964 г. в Москве.

На содержании и ходе дискуссии по проблемам первобытного общества, которая началась в 1967 г. в нашем журнале, отчетливо отразились перемены, происходившие в ИЭ. Участники дискуссии (Н.А. Бутинов, С.И. Вайнштейн, С.Я. Козлов, М.В. Крюков, А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, Д.Д. Тумаркин, А.М. Хазанов, М.А. Членов и др.) придерживались разных взглядов, предлагали оригинальные трактовки, в том числе и такие, которые никак не укладывались в прокрустово ложе энгельсовской теории первобытности⁷. И тут нужно отдать должное главному редактору журнала Ю.П. Петровой-Аверкиевой, которая при желании могла ограничить или даже свернуть далеко зашедшую дискуссию. Юлия Павловна – человек ортодоксальных марксистских убеждений, которые не поколебали годы, проведенные ею в тюрьме, лагере и на поселении

в Сибири, – сохраняла верность основным положениям концепции Моргана – Энгельса. Однако она не препятствовала свободному обмену мнениями по этим вопросам на страницах журнала, правда, в разделе «Дискуссии и обсуждения».

В рассматриваемый период в журнале было проведено еще более десяти дискуссий (по агроэтнографии, о происхождении белорусов, о специфике кочевничества, о генезисе искусства, о роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций, о производственных отношениях в первобытном обществе, о религии как социальном явлении и др.). Размеры и особенности статьи не позволяют рассказать об этих дискуссиях, равно как сколько-нибудь подробно охарактеризовать другие направления деятельности журнала. Отмечу лишь, что преобладающая часть статей и иных материалов по-прежнему касалась традиционной этнографической проблематики (этногенез и этническая история, история материальной и духовной культуры и т.д.). Несколько усилилось освещение культурно-бытовых и этнических аспектов современности. В связи с возникновением на стыке конкретной социологии и этнографии новой научной дисциплины – этносоциологии – началась публикация статей по этому кругу вопросов. Пожалуй, неплохо представлены были на страницах журнала этнодемография, этническая антропология и расоведение. Позитивные сдвиги произошли в отделе «Критика и библиография», но в нем все еще редко появлялись обобщающие критические статьи и обзоры тематически однородных работ, позволяющие судить о тенденциях развития отдельных отраслей и региональных направлений этнографической науки. В 1967 г. была начата публикация списков новой литературы этнографического содержания по основным регионам СССР. Но через три года это полезное нововведение было отменено.

Сразу после прихода в «Советскую этнографию» Ю.П. Петровой-Аверкиевой и автора этих строк в журнале появился совершенно новый раздел «Поиски, факты, гипотезы». Этот раздел знакомил с любопытными обычаями и другими элементами традиционных культур народов мира; в нем выступали этнографы, рассказывающие о своих экспедициях и исследованиях. Раздел был рассчитан не столько на ученых-этнографов (хотя и им могли быть интересны сюжеты, непосредственно не входящие в сферу их научной компетенции), сколько на более широкие круги читателей. Поэтому неизменными условиями публикации в этом разделе были занимательность темы, высокий литературный уровень и доступность изложения. Вспоминаются увлекательные очерки Р.Л. Садокова по истории народных музыкальных инструментов, изящные эссе Р.В. Кинжалова о древних городах Мезоамерики, превосходно написанные работы В.А. Никонова и Я.В. Чеснова о животрещащих проблемах ономастики, яркие статьи-воспоминания В.Н. Басилова и Б.Н. Путилова об их полевых наблюдениях на островах Океании и другие авторские удачи⁸. Многие работы, опубликованные в разделе «Поиски, факты, гипотезы», были затем воспроизведены в двух сборниках, быстро раскупленных, несмотря на большие тиражи, любознательными читателями⁹.

Помимо «поисков» и «фактов» в этом разделе изредка появлялись «гипотезы», признанные недостаточно обоснованными руководством и редколлегией журнала, при условии, что они удовлетворяли указанным выше критериям. В связи с этим вспоминается конфуз, случившийся в 1969 г.

Известный историк Б.Ф. Поршнев, отличавшийся огромной эрудицией и необычайной широтой своих научных интересов, в 1960-х годах «заболел» идеей о том, что в труднодоступных, преимущественно горных местностях нашей планеты до сих пор обитает «снежный человек», или по-научному реликтовый палеоантроп. Статью по этому вопросу, написанную с присущими его работам литературным блеском и изяществом, Борис Федорович принес в наш журнал, и редколлегия согласилась ее напечатать, но только в разделе «Поиски, факты, гипотезы». Приведя философские, биологические, археологические и антропологические аргументы в пользу отстаиваемой им концепции, дав обзор свидетельств многочисленных очевидцев, якобы видевших реликтовых палеоантропов или оставленные ими следы, автор в заключение

изложил сенсационное сообщение бельгийского журнала, которое, по его мнению, позволяло считать концепцию практически доказанной: некий Ф. Гансен возил по городам США и показывал за деньги труп «снежного человека», замороженный в ледяной глыбе. Б.Ф. Поршневу привел некоторые детали: «Особь – мужского пола, ростом 180 см (...). Кроме лица, ладоней, подошв и гениталий, все тело покрыто темно-бурыми волосами»¹⁰. Статью быстро сдали в набор, прошли верстка и сверка, как вдруг Борис Федорович, явно сконфуженный, пришел в редакцию и спросил, нельзя ли внести в текст некоторые изменения. «Невозможно! – ответили ему. – Мы уже получили чистые листы, на днях ожидаем сигнальный экземпляр номера с вашей работой». Оказалось, Гансен, как стало известно Б.Ф. Поршневу, был ловким мошенником, который возил в глыбе льда искусно изготовленный муляж, нечто вроде куклы ... Статья вышла в свет с ложной сенсацией.

Разумеется, журнал вынужден был следовать «правилам игры», принятым тогда в нашей стране. Регулярно публиковались передовые статьи об «актуальных задачах советских этнографов», приуроченные к предстоящим или прошедшим партийным съездам, пленумам ЦК КПСС и т.д., исправно учитывались и развивались положения, выдвинутые на партийных форумах, например о «новой исторической общности людей – советском народе». Помимо партийно-государственной цензуры существовала самоцензура, которая проявлялась в том, что многие авторы приносили в журнал статьи, ни в чем не отступавшие от официальных идеологических и пропагандистских стереотипов, приукрашивавшие советскую действительность.

Как и раньше, было принято обильно ссылаться, к месту и не к месту, на произведения классиков марксизма-ленинизма. Более того, участвуя в дискуссиях, высказывая оригинальные суждения, авторы нередко стремились подкрепить их искусно подобранными цитатами, что, кстати, могло затруднить нежелательные возражения. В рассматриваемый период особенно часто цитировали В.И. Ленина, причем превозносили его вклад в теоретическую разработку и практическое решение национальных проблем. К числу ученых, усердно использовавших и развивавших ленинские высказывания по этой проблематике, принадлежал, например, В.И. Козлов – один из наиболее активных авторов нашего журнала¹¹. Однако в постсоветский период он, как и многие другие обществоведы, изменил свое отношение к Ленину, его деятельности и идеям¹².

В брежневские «застойные» годы маленький редакционный коллектив «Советской этнографии» делал все от него зависящее, чтобы поддерживать высокий научный уровень журнала. Наряду с главным редактором и его заместителями важную роль в коллективе играли ответственный секретарь редакции Н.С. Соболев и заведующая редакцией М.А. Кургузова, которые отлично дополняли и заменяли друг друга и помимо исполнения своих прямых обязанностей нередко редактировали наиболее сложные статьи. Искренне «болели» за родной журнал и самоотверженно трудились редакторы М.Б. Фейгина и Е.А. Эшлиман (ныне заведующая редакцией журнала).

Отредактированные материалы перед сдачей в набор, как правило, придирчиво читали контрольные редакторы. Эти функции выполняли видные ученые – П.И. Пучков, а затем Л.Е. Куббель.

В отличие от своего предшественника на посту директора Ю.В. Бромлей не только не был главным редактором журнала, но и не входил в состав редколлегии. Однако мы иногда приглашали его на заседание редколлегии, когда обсуждалась спорная статья или рассматривался перспективный план работы журнала. Несмотря на огромную занятость, Юлиан Владимирович обычно откликался на эти приглашения. Он скромно усаживался в сторонке и тактично высказывал свое мнение, не навязывая его присутствующим.

На протяжении многих лет Ю.В. Бромлей поддерживал редакцию журнала, помогал ей отбиваться от нападков и доносов недоброжелателей. Приведу пример, уже получивший отражение в историографии¹³. В 1972 г. ленинградские авторы Б.П. Полевой и А.М. Решетов опубликовали в журнале статью «В.К. Арсеньев как этнограф»¹⁴. Опираясь на архивные материалы, они среди прочего рассказали о том, что этот

талантливый исследователь-дальневосточник на разных этапах своей научной карьеры получал советы и помощь от одного из основоположников петроградской/ленинградской этнографической школы Л.Я. Штернберга. Тогдашняя сотрудница ИЭ Т.Ф. Аристовой, сама изучавшая жизнь и наследие Арсеньева, обратилась с заявлением в «директивные органы», утверждая, что в статье принижены заслуги и значение великого русского путешественника и ученого Арсеньева и преувеличена роль «ино-родца» Штернберга. В те годы это было серьезное обвинение. Ю.П. Петрову-Аверкиеву вызвали «на ковер». Редакторское кресло под ней зашаталось. Тогда Юлиан Владимирович, вооружившись подробной справкой, подготовленной в редакции, сам поехал в ЦК КПСС и убедил наших «кураторов» в необоснованности «сигнала» Аристовой.

Чтобы уменьшить большую нагрузку, ложившуюся на редакционный коллектив, Ю.В. Бромлей по согласованию с руководством журнала время от времени выделял нам в помощь внештатных редакторов из числа сотрудников ИЭ. Так в редакцию пришла работать Н.С. Полищук. Она настолько успешно справлялась с редактированием порученных ей статей, что в 1973 г., при частичной ротации, не только была введена в состав редколлегии, но и заменила Л.Ф. Моногарову на посту заместителя главного редактора. Лидия Федоровна, проработавшая на этом посту 12 лет, осталась членом редколлегии.

Принципиальная, добросовестная до дотошности, в равной мере требовательная к себе и другим, Н.С. Полищук внесла свежую струю в работу редакции. Она многое сделала для расширения авторского актива путем привлечения новых авторов из российских краев и областей, союзных и автономных республик, уделяла большое внимание сбору и публикации информации о деятельности региональных научных организаций, рецензированию трудов их сотрудников. По инициативе Нинель Саввишны в журнале появился новый раздел – «Коротко об экспедициях», просуществовавший до 1992 г.

Опыт использования внештатных редакторов не всегда был удачным, и это не случайно: не каждый научный сотрудник способен успешно работать редактором в академическом журнале. Вот особенно запомнившийся мне пример.

Обычно я знакомился (в случае необходимости – неоднократно) с материалами по курируемому мной разделам и отраслям до отправки их в издательство. Но случались и исключения, если я находился в экспедиции или длительной научной командировке. Вернувшись в Москву весной 1972 г., я впервые увидел уже в верстке переводную статью об индейцах намбиквара, ускользнувшую, видимо, и от внимания контрольного редактора¹⁵. Статья была плохо переведена и отредактирована, в примечаниях царил полнейший беспорядок. Картина была настолько удручающей, что я, не сдержавшись, заявил: «Похоже, статью переводили и редактировали сами индейцы намбиквара». Несмотря на сопротивление издательства, в верстку статьи пришлось внести многочисленные коррективы. Разумеется, мы вежливо отказались от услуг горе-редактора. Этот эпизод долго служил предметом шуток в редакции. Но мы извлекли из него и серьезный урок, усилив контроль за прохождением рукописей.

В редакционном коллективе, спаянном общим делом, установились теплые, дружеские отношения. Вместе отмечали дни рождения сотрудников редакции, разделяли с ними их семейные радости и печали. Конечно, случались и критические «разборы полетов», но они проводились в таких формах, что не вызывали чувства обиды или отчуждения. Тон задавал сам главный редактор. Для Юлии Павловны было характерно сочетание принципиальности с высокой человечностью, тактичностью, доброжелательностью по отношению к авторам и сотрудникам редакции, и это благотворно сказывалось на общей обстановке в коллективе.

В конце 1970-х годов Ю.П. Петрова-Аверкиева серьезно, как оказалось, неизлечимо заболела, но благодаря огромной силе воли продолжала активно руководить «Советской этнографией» и сектором народов Америки родного института. Лишь почувствовав приближение трагического конца, Юлия Павловна обратилась с просьбой об

освобождении от обязанностей главного редактора. В последнем номере журнала за 1980 г. мы опубликовали подробный прочувствованный некролог о нашем главном редакторе.

С кончиной Ю.П. Петровой-Аверкиевой завершился большой, насыщенный значительными событиями этап в истории журнала. Проработав 14 лет бок о бок с Юлией Павловной в качестве ее заместителя, я попросил после ее ухода освободить меня от этого поста. Первый номер журнала за 1981 г. готовила уже новая команда во главе с К.В. Чистовым. Олицетворяя преемственность, Н.С. Полищук вошла в нее в качестве одного из трех заместителей главного редактора. Я остался членом значительно обновленной редколлегии, но больше не оказывал существенного влияния на редакционную политику, на формирование облика журнала¹⁶.

Оглядываясь назад, я с самыми светлыми чувствами вспоминаю маленькую комнату редакции в здании на улице Дмитрия Ульянова, трудившихся в ней коллег, беспокойную, порой напряженную работу по выпуску «Советской этнографии».

Журнал отнимал много времени и сил. И все же за эти 14 лет мне удалось написать и опубликовать более 60 научных работ, включая монографию, отмеченную премией им. Н.Н. Миклухо-Маклая, защитить докторскую диссертацию. Более того, работа в журнале помогла мне стать специалистом более широкого профиля. Этнограф-океанист, я приобрел серьезные познания во многих других отраслях этнографии и смежных дисциплинах, постиг на практике премудрости и тайны редакционно-издательского процесса. Этот опыт оказался полезным в дальнейшем, когда мне довелось возглавить редколлегию Собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, быть составителем и ответственным редактором разных изданий.

Обдумывая эту статью, я спросил у Н.С. Полищук, какими ей видятся теперь годы, отданные журналу. Нинель Саввишна ответила без колебаний: «Это была самая деятельная, счастливая пора в моей жизни». Могу лишь присоединиться к ее словам.

В этом году центральному органу российских этнографов, с 1992 г. выходящему под новым названием, исполнилось 75 лет. Это солидный возраст не только для человека, но и для периодического издания. Хотелось бы пожелать журналу творческого долголетия, верности добрым традициям и новаторства, беззаветного служения науке.

Примечания

¹ Вторым заместителем главного редактора в 1964–1965 гг. был А.Г. Подольский – человек пассивный и крайне осторожный, ухидивший от решения даже второстепенных вопросов.

² В 1973 г. после частичной ротации в состав редколлегии были включены С.А. Арутюнов, Л.М. Дробужева, Г.Е. Марков, А.П. Окладников, Н.С. Полищук, Ю.И. Семенов, К.В. Чистов.

³ Подбор фотографий для обложки оказался непростым делом, в чем мне вскоре пришлось убедиться: я был инициатором этого нововведения, а, как известно, «инициатива наказуема». Лишь изредка для этой цели подходили иллюстрации, которые прилагались к публикуемым статьям. Приходилось обращаться к сотрудникам Института этнографии и других научных учреждений, вести поиски в обширных фототеках ТАСС и АПН. Вернувшись в 1977 г. из четырехмесячной экспедиции на острова Океании, я обнаружил, что дизайн обложки изменился. Вместо сменной фотографии на ней красовался теперь сложный орнамент, основным элементом которого было «древо жизни». В 1978 г. стала иной и цветовая гамма. Цвет обложки больше не варьировал в определенной последовательности от номера к номеру, а оставался в течение года одним и тем же, меняясь лишь с наступлением нового года. Это было сделано по настоянию издательства.

⁴ Бромлей Ю.В. Этнос и эндогамия // 1969. № 6. С. 84–91; *его же*. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей // 1972. № 3. С. 86–89; *его же*. Опыт типологизации этнических общностей // 1972. № 5. С. 61–81; Козлов В.И. О понятии этнической общности // 1967. № 2. С. 100–111; *его же*. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // 1970. № 6. С. 47–60; *его же*. Этнос и территория // 1971. № 6. С. 89–100; *его же*. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // 1974. № 2. С. 79–92; Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // 1968. № 1. С. 95–106; Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // 1973. № 6. С. 51–65; Холич Л.В. О содержании понятия «этнические процессы» // 1969. № 5. С. 79–87; Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // 1967. № 4. С. 94–109, и др.

⁵ Обсуждение статьи Ю.В. Бромлея «Этнос и эндогамия» // 1970. № 3. С. 91.

⁶ Аверкиева Ю., Перищ А., Файнберг Л., Чебоксаров Н. Еще раз о месте материнского рода в истории общества (По поводу статьи Н.А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи») // 1963. №3. С. 200–205. Статья Бутинова была опубликована в сб.: Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. Тр. Ин-та этнографии. Т. 80. М.: Л., 1962. С. 107–189.

⁷ Бутинов Н.А. Община, семья, род // 1968. № 2. С. 91–95; Вайниттейн С.И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов // 1968. № 3. С. 60–67; Козлов С.Я. К характеристике некоторых социальных структур родового общества // 1970. № 5. С. 84–92; Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации // 1967. № 6. С. 83–94; *его же*. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контрверзы»? // 1974. № 3. С. 60–70; Перищ А.И. К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности // 1970. № 2. С. 106–109; Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности // 1968. № 4. С. 75–86; *его же*. Проблема перехода от материнского рода к отцовскому // 1970. № 5. С. 57–71; *его же*. Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиаций у аборигенов Австралии // 1971. № 6. С. 101–111; *его же*. Еще раз о материнском роде и брачных классах // 1975. № 1. С. 55–71; Тумаркин Д.Д. К вопросу о сущности рода // 1970. № 5. С. 93–101; Хазанов А.М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода // 1973. № 1. С. 114–121; Членов М.А. Можно ли считать «австралийскую контрверзу» завершённой? // 1971. № 4. С. 68–71; *его же*. Еще раз об «австралийской контрверзе» и методике ее рассмотрения // 1974. № 3. С. 60–70 и др.

⁸ Садоков Р.Л. Путешествие в глубь веков в поисках музыки // 1968. №1. С. 14–163; *его же*. Тайна сладозвучной арфы // 1970. №2. С. 150–165; *его же*. Загадочные глиняные музыканты // 1971. № 3. С. 120–131; *его же*. Веселые скоморохи // 1976. №5. С. 126–145; Кинжалов Р.В. День в древнем городе майя // 1967. № 2. С. 145–155; *его же*. День в столице древних мочика // 1967. № 6. С. 103–117; Никонов В.А. Личное имя – социальный знак // 1967. № 5. С. 154–168; Чеснов Я.В. Название народа: откуда оно? // 1974. № 6. С. 135–146; Басилов В.Н. Через сто лет после Маклая // 1972. № 4. С. 143–158; *его же*. Мужские дома в Бонгу // 1977. № 6. С. 89–103; Путилов Б.Н. В Бонгу звучат окамы // 1972. № 3. С. 144–156; *его же*. Остров песен (На атолле Фунафути) // 1974. № 3. С. 126–138 и др.

⁹ Этнографы рассказывают / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 1977; Глазами этнографов / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 1982. Эти книги были изданы при поддержке Ю.В. Бромлея, который придавал большое значение популяризации научных знаний. Юлиан Владимирович написал для обоих сборников вступительные обобщающие статьи и согласился быть их титульным редактором.

¹⁰ Поршнев Б.Ф. Проблема реликтовых палеоантропов // 1969. № 2. С. 130.

¹¹ См., напр.: Козлов В.И. О некоторых аспектах национальной проблематики в трудах В.И. Ленина // 1969. № 6. С. 10–20.

¹² См. об этом в моем отклике на статью: Tishkov V.A. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // Current Anthropology. V.39. № 1. 1998. P. 11–12.

¹³ Гаген-Торн Г.Ю. Нина Ивановна Гаген-Торн – ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы. Вып.1. М., 1999. С. 332, 340.

¹⁴ Полевой Б.П., Решетов А.М. В.К. Арсеньев как этнограф // 1972. № 4. С. 74–87.

¹⁵ Боглар Л. Индейцы намбиквара – маргинальная группа в Бразилии // 1972. № 3. С. 139–143.

¹⁶ Н.С. Полищук оставалась заместителем главного редактора журнала, а я – членом редколлегии до 1992 г. Через восемь лет меня вновь ввели в состав редколлегии, а Н.С. Полищук с 1997 г. взяла на себя обязанности контрольного редактора.

D. D. T u m a r k i n. Fourteen years with the «Soviet Ethnography» (from memories of the Journal's Deputy Editor-in-Chief, 1966–1980)

After 1966 when Yu.V. Bromley became Director of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, significant changes began there: new orders of priority studies were suggested and the very atmosphere for scientific research grew more favorable. The new ideas and spirit of the time did not pass the journal «Soviet Ethnography», whose Editor-in-Chief Yu.P. Petrova-Averkieva was appointed at the time as well as her Deputy D.D. Tumarkin. In 1966–1980 the journal held more than ten discussions; one of the most interesting of which was devoted to the problems of primeval societies in the course of which some new interpretations were offered that did not fit Procrustean bed of the Morgan-Engels theory. It goes without saying that the journal was obliged to follow the then existing «rules of the game» of the country. In addition to the censorship on the part of the Party and the State widespread was also the so-called self-censorship as expressed in that many authors brought to the journal their articles which did not deviate from the official ideological stereotypes at all. The author tells of the most notable publications and offers his recollections of the then members of the journal's editorial staff.